

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2026. Т. 26, вып. 2. С. 202–207
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2026, vol. 26, iss. 2, pp. 202–207
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2026-26-2-202-207>, EDN: NBXTIH

Научная статья
УДК 342.8(410)|18|:930(470+571)|18/19|

Процессы демократизации в Великобритании XIX в. в работах историков «русской исторической школы» конца XIX – начала XX в.

Е. О. Науменкова

Санкт-Петербургский государственный химико-фармацевтический университет, Россия, 197376, Санкт-Петербург, ул. Профессора Попова, д. 14

Науменкова Екатерина Олеговна, кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин, enaumenkova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5692-5913>, AuthorID: 1018954

Аннотация. В статье проанализированы взгляды дореволюционных историков конца XIX – начала XX в. на демократизацию Британской избирательной системы через три парламентских реформы 1832, 1867 и 1884 гг. Делается вывод, что данные реформы рассматривались представителями «русской исторической школы» в контексте общего политического развития страны. Выявлено, что наибольшее внимание историки уделяли первой парламентской реформе 1832 г., которой приписывали революционное значение, тогда как последующие реформы рассматривались более фрагментарно. Констатируется, что в целом исследователи высоко оценивали все три парламентские реформы, видя в них шаги, приближавшие Великобританию к системе представительной демократии. Выявлено, что в отношении третьего билля о правах 1884–1885 гг. мнения разделились: одни исследователи считали его введением принципа всеобщего избирательного права, другие – продолжением ранее начатых преобразований.

Ключевые слова: Кареев, Мижуев, Виппер, Ковалевский, Дерюжинский, Острогорский, Великобритания, демократизация, избирательные реформы

Для цитирования: Науменкова Е. О. Процессы демократизации в Великобритании XIX в. в работах историков «русской исторической школы» конца XIX – начала XX в. // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2026. Т. 26, вып. 2. С. 202–207. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2026-26-2-202-207>, EDN: NBXTIH

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The processes of democratization in Britain in the works of pre-revolutionary historians

Е. О. Naumenkova

Saint Petersburg State University of Chemistry and Pharmacy, 14 St. Professora Popova, Saint Petersburg 197376, Russia

Ekaterina O. Naumenkova, enaumenkova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5692-5913>, AuthorID: 1018954

Abstract. The article examines the views of historians of the late XIX and early XX centuries on the democratization of the British electoral system through three parliamentary reforms in 1832, 1867 and 1884. It is concluded that these reforms were considered by representatives of the “Russian historical school” in the context of the general political development of the country, without deep analysis. It is revealed that historians paid the most attention to the first parliamentary reform of 1832, which was attributed a revolutionary significance, while the subsequent reforms were considered more fragmentary. It is stated that, in general, researchers highly appreciated all three parliamentary reforms, seeing them as steps that brought the Great Britain closer to a system of representative democracy. However, opinions were divided regarding the reform of 1884–1885: some considered it to be the introduction of the principle of universal suffrage, while others considered it to be a continuation of earlier reforms.

Keywords: Kareev, Mizhuev, Whipper, Kovalevsky, Deryuzhinsky, Ostrogorsky, Great Britain, democratization, electoral reforms

For citation: Naumenkova E. O. The processes of democratization in Britain in the works of pre-revolutionary historians. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2026, vol. 26, iss. 2, pp. 202–207 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2026-26-2-202-207>, EDN: NBXTIH

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Отечественная историческая наука конца XIX – начала XX в. занимала ведущие позиции в мире в области англоведения. В фокусе внимания её представителей Н. И. Кареева, М. М. Кова-

левского, П. Г. Мижуева и др. находился широкий круг проблем: колониальная политика, социально-экономическое и политическое развитие страны. Придерживаясь умеренно-либеральных

взглядов, исследователи, естественно, интересовались формированием парламентаризма. В своих научных трудах историки популяризировали демократические институты, анализировали возможность применения зарубежного опыта на российской почве, проводили аналогии и сравнения с отечественными реалиями. В свете создания в России Государственной думы и предоставления населению Манифестом 17 октября 1905 г. гражданских прав и свобод процесс становления демократии в Британии стал особенно актуальным. М. М. Ковалевский в предисловии к курсу лекций для студентов Санкт-Петербургского университета писал: «Если в 80-х гг. протекшего столетия вопрос о происхождении и начальном периоде в развитии конституционных учреждений был коренным, то в настоящее время, — когда у нас имеется уже, правда, пока один остов представительных учреждений и много обещаний насчет обращения его в живой организм, — задача преподавателя государственного права европейских держав рисуется мне в несколько ином свете. Мне кажется, что ему (преподавателю. — Е. Н.) необходимо сопоставлять только что возникшие у нас порядки с теми, какие существуют или существовали еще недавно на западе Европы или Америке» [1, с. 4]. Поэтому вполне естественно, что избирательные реформы 1832 г., 1867 г. и 1884 г., становление тайного голосования нашло отражение в работах вышеназванных исследователей. В данной статье мы ставим задачу проанализировать их взгляды на реформирование избирательного права.

Давая обзор всем трем избирательным реформам, наибольшее внимание дореволюционные исследователи уделяли Великой реформе 1832 г. Так, П. Г. Мижуев и Н. И. Кареев даже посвятили ей отдельную главу в своих научных трудах [2, 3]. Анализируя причины реформирования системы парламентского представительства, ученые прежде всего обращали внимание на изменения, вызванные промышленным переворотом конца XVIII — начала XIX в. Избирательное право, основанное на архаичных средневековых принципах, не соответствовало более тем бурным изменениям, под влиянием которых «старая добрая Англия» стремительно превращалась в «мастерскую мира». Депутатский корпус избирался преимущественно из южной Англии «в старину самой населенной и богатой части королевства» [4, с. 12]. С развитием промышленности на севере Англии, богатом углем, необходимым для машин, вырос ряд крупных фабричных городов, таких как Манчестер, Бирмингем, Лидс. Тогда как «гнилые местечки» посылали по два депутата, динамично развивающиеся города были практически лишены представительства в палате общин. Хрестоматийным примером служит район Корнваллис, где 13 сёл посылали в парламент больше депутатов, чем все промышленные

города Великобритании вместе взятые. Характеризуя коммонеров конца XVIII — начала XIX в., М. Я. Острогорский справедливо отмечал, что в основном они «обязаны были своим избранием патронам, их рекомендации или их прямому назначению и, понятно, должны были вотировать в палате согласно их желаниям. Дорожившим своей независимостью оставалось только открыто купить свое депутатское звание за деньги в городах, где избрание депутатов было наследственной привилегией небольшой плебейской группы» [4, с. 11].

Стремление представителей зарождавшихся новых классов — буржуазии и пролетариата — отстаивать свои требования через парламент, стало важнейшей причиной реформирования избирательного права. Однако исследователи справедливо подчеркивали, что стремление к реформированию избирательной системы было единственной точкой соприкосновения между этими классами. В целом буржуазия со временем все больше и больше склонялась к альянсу с аристократией [2, с. 73; 3 с. 79–80; 5, с. 405]. В числе стимулов к проведению парламентской реформы историки называли смерть консервативного Георга IV и вступление на престол либерального Вильгельма IV; реакцию правящей элиты Великобритании на июльскую революцию во Франции и поддержку революции радикальной и либеральной частью британского общества; осознание передовой общественностью, включая часть аристократии, необходимости обновления состава палаты общин. Давление на парламентариев оказала и активная агитация на митингах и со страниц прессы. Ведущую роль в народном движении сыграл крупный промышленный город — Бирмингем, где после июльской революции во Франции был создан «Политический союз для защиты народных прав», организовавший первый крупный митинг в поддержку реформы. Затем проведение многотысячных митингов было подхвачено другими крупными промышленными городами. Ситуацию обострял экономический кризис 1829–1830 гг., сопровождавшийся безработицей и неурожаем, что, с одной стороны, провоцировало беспорядки в стране, с другой — стимулировало общественное движение за реформу, с которой рабочие связывали самые радужные надежды на улучшения своей судьбы [3, с. 85, 87; 4, с. 17–18]. Определенную роль сыграла и эмансипация католиков, открывшая перед последними двери парламента и заставившая тори опасаться, «как бы католики не скупили все “гнилые местечки” и не приобрели большинство в палате общин» [2, с. 73–76; 3, с. 73, 79–80, 84–86]. Проводя параллели с российскими реалиями, П. Г. Мижуев с горечью отмечал, что даже после Манифеста 17 октября Россия не получила такой свободы собраний и союзов, которая была предоставлена ирландцам¹ по акту об эмансипации католиков 1829 г. [3, с. 77].

Представляет интерес попытка последнего разобраться в причинах, по которым англичане долго мирились с отсутствием перемен и анахронизмом избирательной системы. Прежде всего, по мнению П. Г. Мижужева, английская аристократия не была сплошь реакционной по своему составу и «проникнута враждой к народу». Данный тезис он обосновывает тем, что через парламент проводились весьма прогрессивные законопроекты в интересах народа. Кроме того, англичане имели возможность воздействовать на правительство с платформ, со страниц прессы, через собрания и тред-юнионы. Следовательно, стремясь удержаться у власти коммонеры были вынуждены идти на постоянные серьезные уступки народу. В качестве примера, П. Г. Мижуев называет билли о подвижной шкале хлебных законов 1828 г. и эмансипации католиков 1829 г. [3, с. 84–85].

Исследователи высоко оценивали значение парламентской реформы 1832 г., видя в ней «грань, отделяющую старую Англию от новой» [4, с. 10–11]. Реформа заключалась в расширении избирательных прав на новые категории подданных и перераспределении избирательных округов. Число избирателей возросло почти в 2 раза, с 344 250 человек до 620 тыс. человек. Изменилось само восприятие избирательного права. Если раньше, по словам М. Я. Острогорского, оно было «личной привилегией, именным правом», то «реформа 1832 г. сделала из него право на предъявителя» [4, с. 17]. Избирателем теперь становился каждый, кто владел недвижимостью и уплачивал определенный ценз. Однако главное новшество заключалось в том, что произошло уравнивание прав разных форм собственности.

В результате перераспределения было ликвидировано 56 «гнилых местечек», 42 крупных промышленных города – Манчестер, Бирмингем, Лидс и др. – получили право посылать своих представителей в парламент [6, с. 121]. Н. И. Кареев полагал, что виги провели перераспределение парламентских округов исключительно в своих интересах и ликвидировали прежде всего те «гнилые местечки», которые посылали в парламент тори. Отчасти этим ученый объясняет последующее длительное нахождение вигов у власти [2, с. 77]. Реформа открыла доступ к парламентским креслам представителям среднего класса с либеральными принципами, фактически отсутствовавшими у господствовавшей ранее поземельной аристократии. Этим исследователи объясняют ряд мер либерального характера, принятых министерством Грея и Мельбурна. Прежде всего, в 1833 г. было отменено рабство во всех английских колониях. Принятый в том же году закон о фабриках положил начало рабочему законодательству. Запрещался труд детей младше 9 лет, продолжительность рабочего дня детей 9–13 лет составляла не более 8 часов в день,

подростков 13–18 лет и женщин – не более 12 часов. Закон также обязывал детей младше 13 лет посещать школу по 2 часа в день. Важной стороной акта стало образование фабричной инспекции для контроля за соблюдением закона и наложения штрафов.

Новый парламент обратил внимание на развитие образования. И хотя на постройку новых школ было выделено всего лишь 20 000 ф. ст., П. Г. Мижуев подчеркивал, что тем самым английское правительство в первый раз признало за собой обязанность оказывать материальную поддержку делу народного образования, которое до этого было всецело частной инициативой [3, с. 194]. В. Ф. Дерюжинский подводит итог таким образом: «В своей политике реформированный парламент стал более либеральным и прогрессивным, более активным и восприимчивым к влиянию общественного мнения, более чутким ко многим вопросам, которые прежде даже не могли возникать» [7, с. 189–190].

Исследователи обращали внимание и на значительные изменения в политической культуре выборов: открытый подкуп избирателей и продажа мест в парламенте постепенно стали уходить в прошлое. И хотя полностью победить коррупцию не удалось – сохранялись косвенные способы подкупа избирателей и давления на них со стороны лендлордов и владельцев фабрик – в целом предвыборная атмосфера на выборах стала гораздо более здоровой [2, с. 84].

Не прошло мимо внимания ученых и изменение состава парламента – аристократия постепенно начала размываться буржуазией. Последняя, получив допуск к избирательным урнам, стала активно отстаивать свои интересы в палате общин, ведя борьбу с набиравшим силу рабочим движением и все больше склоняясь к альянсу с аристократией. Таким образом, буржуазия быстро забыла, что «билль 1832 г. был вынесен на плечах рабочих», принимавших активное участие в общественном движении за реформу [2, с. 73, 79–80, 84; 4, с. 19; 5, с. 189–190, 402–405; 7, с. 101].

П. Г. Мижуеву революционное значение реформы виделось в изменившихся отношениях между палатами парламента – палата общин стала занимать доминирующее положение. Лорды отныне могли лишь отсрочивать законопроекты, одобренные нижней палатой, но в конце концов были вынуждены их принимать [3, с. 99], поскольку за палатой и министерством стояла народная поддержка. Таким образом, исследователь отмечает, что «в неписаную английскую конституцию был внесен новый и важный элемент». Сильное влияние реформа 1832 г. оказала на характер и лозунги партий. Так, передовая часть тори под предводительством Р. Пиля поспешила заявить о поддержке нового порядка, отмежеваться от «отживших принципов торизма»² и стала называть

себя консерваторами. Виги, не желавшие связывать себя с радикалами, взяли себе название либералы³ [3, с. 103].

Обращает на себя внимание сравнение Н. И. Кареевым британского и континентального консерватизма. Тогда как британские консерваторы после проведения реформ не просто смирились со сложившимся порядком, а выступали его защитниками, консерваторы на европейском континенте представляли в роли реакционеров, выступающих за ликвидацию нововведений и возврату к отжившим формам [2, с. 85]. Положительно оценивая парламентскую реформу 1832 г., ученые признавали ограниченность франшизы, по-прежнему считавшейся привилегией, принадлежащей графствам, городам или обладателям высокого имущественного ценза и исключавшей основную массу населения. Данное обстоятельство, как справедливо замечали историки, уже спустя несколько лет вылилось в чартистское движение конца 1830-х – начала 1840-х гг. [2, с. 84–85; 3, с. 102; 4, с. 19–20]. Кроме того, по мысли Н. И. Кареева, реформирование политической системы оказало влияние на внешнюю политику Великобритании, поскольку произошло сближение с Францией – государством с конституционной формой правления [2, с. 77].

Вторая половина XIX в. была отмечена дальнейшей демократизацией избирательной системы. Смерть лорда Пальмерстона в 1865 г., бывшего противником любых внутривыборных реформ, открыла дорогу сторонникам реформирования избирательной системы. На следующий год, в условиях нараставшего общественного движения, проходившего под лозунгом всеобщего избирательного права, либеральный кабинет лорда Рассела внес проект снижения избирательного ценза для городских избирателей с 10 до 7 ф. ст. Отсутствие единства в либеральном лагере и усилия оппозиции привели к провалу билля и отставке правительства. Пришедшие к власти консерваторы поначалу отложили рассмотрение данного вопроса, однако, как верно было отмечено исследователями, под влиянием «грандиозных народных митингов», стремясь заполучить голоса новых избирателей [3, с. 215; 8, с. 415], приступили к преобразованиям. Ключевую роль сыграло, по мнению П. Г. Мижужева, стремление консервативной партии, и прежде всего Дизраэли, любой ценой удержаться у власти после отставки либералов. Этим он объясняет внесение в парламент проекта билля, гораздо более радикального, нежели проект, внесенный ранее либералами.

В итоге в 1867 г. консервативный кабинет Дерби-Дизраэли провел новую избирательную реформу. Важную роль в ее проведении ряд исследователей отводил лидеру оппозиции Гладстону, сумевшему заставить консерваторов внести в билль ряд серьезных поправок [5, с. 522; 7, с. 215, 260]. Суть реформы сводилась к следующему: некоторые «гнилые местечки» лишились сво-

его представительства в парламенте, и их места были переданы крупным городам. Избирательный ценз в городах был понижен с 10 до 6 ф. ст. Таким образом, в состав выборщиков были включены городские рабочие, жившие в отдельных квартирах. В данной реформе историки видят важный шаг в сторону демократии, отмечая, что произошло не просто увеличение избирателей⁴, но и вступление «в парламент людей мелкого дохода и чисто трудовых профессий» [5, с. 522]. В то же время историки осознавали, что избирательное право по-прежнему оставалось привилегией, и до введения всеобщего избирательного права было еще очень далеко [7, с. 217; 8, с. 415].

Важным аспектом в процессе демократизации исследователи считали введение тайного голосования в 1872 г. Прежняя открытая подача голосов часто «совершенно искажала идею народного представительства», поскольку рабочие и мелкие служащие из-за боязни лишиться места не могли выбирать кандидата, ориентируясь лишь на личные предпочтения [3, с. 217, 416; 10, с. 51].

Кульминационным моментом в процессе демократизации стала парламентская реформа 1884–1885 гг., причины которой виделись в намерении все более набирающих политическую силу тред-юнионов ввести своих представителей в палату общин и стремлении обеих партий приобрести симпатии и голоса нарастающего рабочего движения [3, с. 415; 5, с. 522]. Среди других причин П. Г. Мижуев выделяет необходимость исполнения предвыборных обещаний Гладстона во время Мидлотианской кампании [3, с. 260], а Р. Ю. Виппер был убежден, что лидер либералов «спешил с проведением реформы для всех частей государства, чтобы примирить в демократическом порядке все слои населения» [5, с. 529].

Реформа быстро прошла через палату общин, однако встретила отпор в верхней палате, большинство в которой было в руках консерваторов, требовавших внесения билля о франшизе одновременно с биллем о перераспределении мест. Поскольку либералы отказались рассматривать вкуче два билля, ситуация зашла в тупик и грозила перерасти в серьезный конфликт между палатами. В сложившейся ситуации ведущую роль в примирении сторон дореволюционные историки единогласно отводили королеве Виктории. Так, монархиня выступила в качестве парламентаря и настояла на неформальной встрече лидеров консервативной и либеральной партий (Солсбери и Норткота – с одной стороны и Гладстона и Гривилля – с другой), для выработки компромиссного решения. По мнению ученых, королева, оказав давление на Солсбери, фактически вынудила его встретиться с Гладстоном и пойти на компромисс. В итоге, соглашение между партиями было достигнуто, конституционный конфликт удалось предотвратить. Подмечая такт и чисто британское

самообладание, проявленное обоими лидерами в ходе решения данного вопроса, симпатии исследователей все же были на стороне «великого старца» Гладстона, что можно объяснить либеральными взглядами ученых [9, с. 332–333].

Парламентская реформа 1884–1885 гг., так же как и предыдущие реформы, заключалась в расширении электората и перераспределении избирательных округов. Была введена единая система представительства – жители сельской местности были уравнены в правах с горожанами. В избирательный корпус были включены сельскохозяйственные рабочие и мелкие фермеры, имеющие ценз оседлости в течение 12 месяцев. В итоге число избирателей удвоилось и возросло до 5 700 000 чел.⁵

Закон о перераспределении изменил границы 170 округов и создал 12 дополнительных. Вся территория страны была разделена на одномандатные округа. Исключение составляли несколько крупных городов, Лондон-Сити и элитные университеты – Оксфорд, Кембридж и Дублин, посылавшие двух депутатов [6, с. 152]. М. Я. Острогорский, характеризуя реформу, писал: «И избирательное право, и представительство были почти выравнены, основное различие между городскими и сельскими избирательными округами, считавшиеся почти конституционным догматом, было стерто, и вся традиционная английская система “местного” представительства, рассматривавшая каждую местность как организационное целое, независимо от ее населения, окончательно стусевалась пред системой арифметического представительства» [4, с. 60].

Давая оценку избирательной реформе, большая часть исследователей (Р. Ю. Виппер, В. Ф. Дерюжинский, П. Г. Мижухев) несколько преувеличивали ее значение, полагая, что, хотя принцип всеобщего голосования не был объявлен, билль 1884 г. стал равноценен введению всеобщего избирательного права и завершил процесс демократизации британской политической системы. Р. Ю. Виппер полагал, что данная мера «полностью соответствовала моменту и времени». Более критично реформу оценивали Н. И. Кареев и М. Я. Острогорский. Они хотя и признавали, что реформа серьезно демократизировала английскую избирательную систему, все же всеобщее избирательное право введено не было. Оно по-прежнему оставалось привилегией владельцев собственности, а не правом каждого гражданина. Реформа лишь уравнивала условия получения избирательных прав для городских и сельских жителей. Среди недостатков избирательной системы исследователи называли множественное голосование, запутанную систему регистрации выборщиков, ценз оседлости, наличие недвижимости. Причины ограниченного характера преобразований 1884–1885 гг. ученые отчасти объясняли необходимостью правительства Гладстона пойти на компромисс с консерваторами

с целью предотвращения серьезного конституционного конфликта [4, с. 61–62; 8].

Расширение избирательного права и включение в электорат значительного количества новых выборщиков оказывало серьезное влияние на политику парламентских партий, их лозунги, программы, вынуждало партийных лидеров совершенствовать организацию. Данный процесс находит освещение в работах Н. И. Кареева и особенно М. Я. Острогорского. Исследователи отмечали, что формирование партийно-политических структур началось в ответ на Великую реформу 1832 г. с появлением Карлтон и Реформ клубов – первых партийных клубов и «центров объединения политической деятельности» [10, с. 104–105]. До этого «единственные партийные организации общенационального характера имелись только в недрах самого парламента, и депутаты, входившие в состав его партий, оставались совершенно независимыми от своих избирателей» [11, с. 323]. Ограниченность электората приводила к тому, что «избиратели представляли собой только личный кортеж соперников, вступивших в единоборство, они были как бы их вассалами или продавались им за деньги в день выборов» [11, с. 323]. Парламентская реформа заставила партии пересмотреть свои взгляды и начать взаимодействовать с выборщиками.

Особое внимание вышеназванные исследователи уделяли Бирмингемской организации, целью которой было создание сплоченной либеральной организации и помощь кандидатам на выборах в парламент. Бирмингемский опыт стал быстро распространяться по стране, что способствовало победе либералов на выборах 1868 и 1880 гг. Консерваторы также понимали необходимость трансформации партийной системы и создавали свои ассоциации, объединенные в 1867 г. в «Национальный союз консервативных и конституционных ассоциаций».

Анализируя организационную структуру, Н. И. Кареев явно симпатизирует либералам, поскольку бирмингемская модель подразумевала равенство «голоса последнего бедняка ... и голоса первого богача» [11, с. 327], тогда как Национальный союз консерваторов виделся ему излишне аристократически-иерархическим. Исследователь подчеркивает, что «патроны» по большей части были лордами, герцогами, а в исполнительном совете организации наряду с делегатами местных ассоциаций видную роль играли члены, попавшие в него не по избранию. Более того, стремясь избежать смешения представителей обеспеченных слоев (обеспеченной публики) с рабочими, консерваторы для последних создавали отдельные клубы. В этом историк видит определенный снобизм тори, который «не совсем гармонировал с национальной теорией Дизраэли» [8, с. 566.].

Острогорский в свою очередь весьма настойчиво относился к созданию разветвленной партийной организации. «Кокус... становится фракционной крепостью для группы, полной сектантского духа», он становится все более нетерпимым и притязательным, поскольку «народная форма его организации дает ему повод выдавать себя за единственного и законного представителя либеральной партии» [10, с. 127]. Диктат партийных ассоциаций виделся ученому прежде всего в подборе и назначении кандидатов для парламентских выборов, которые должны были беспрекословно выполнять волю партии и следовать строгой партийной дисциплине, теряя свое мнение и свою индивидуальность. Следовательно, статус депутата менялся, он больше не был народным избранником, выразителем их чаяний и интересов, а представлял собой «делегата, агента для поручения, получающего приказы от партии, или выражаясь более конкретно от лидеров» [10, с. 331].

Итак, подведем итоги. Парламентские реформы XIX в. рассматривались представителями «русской исторической школы» в контексте общего политического развития страны. Наибольшее внимание историки уделяли первой парламентской реформе 1832 г., которой приписывали революционное значение. Последующие избирательные реформы 1867 и 1884 гг. рассматривались более фрагментарно. Основная причина реформы 1832 г. историкам виделась в изменениях, вызванных промышленным переворотом и стремлением английской буржуазии стать полноправным участником политического процесса. Причины последующих реформ крылись в намерении все более набирающих политическую силу тред-юнионов ввести своих представителей в палату общин и стремлении обеих партий приобрести симпатии и голоса набиравшего силу рабочего движения.

Важной особенностью британской политической культуры ученые считали политическую активность населения, под воздействием которой власть предрешающие были вынуждены проводить социально-экономические и политические преобразования. В целом исследователи высоко оценивали все три парламентские реформы, приближавшие страну к представительной демократии. Однако в отношении третьего билля о правах 1884–1885 гг. мнения разделились. Одни видели в нем введение принципа всеобщего избиратель-

ного права, другие рассматривали ее лишь как продолжение начатых прежде преобразований.

Примечания

- ¹ Большинство ирландцев были католиками.
- ² Имелось в виду категорическое непринятие реформ и отстаивание исключительно интересов крупных землевладельцев.
- ³ Либералы в том момент полагали, что билль о реформе составляет предел, до которого может быть допущено участие народа в управлении страной. Радикалы же выступали за дальнейшие коренные преобразования.
- ⁴ Количество избирателей было увеличено на 1 млн и стало составлять примерно 2.5 млн человек.
- ⁵ В 1880 г. было зарегистрировано 3 млн избирателей, в 1886 г. их число достигло почти 6 млн.

Список литературы

1. Ковалевский М. М. Государственное право Англии. СПб. : Типография Богданова, 1906. 321 с.
2. Кареев Н. И. История Западной Европы в новое время : в 7 т. СПб. : Типография М. М. Стасюлевича, 1898. Т. 5. 888 с.
3. Мижухев П. Г. Политическая история Англии в XIX веке. СПб. : Брокгауз-Ефрон, 1908. 280 с.
4. Острогорский М. Я. Конституционная эволюция Англии в течение последнего полувека. Пг. : Типография П. П. Усова, 1916. 183 с.
5. Винтер Р. Ю. Новая история. 1500–1917 гг. М. : Мир, 1919. 594 с.
6. Айзенштат М. П. Британия нового времени. Политическая история. М. : Книжный дом Университет, 2007. 203 с.
7. Дерюжинский В. Ф. Из истории политической свободы. СПб. : Типография М. М. Стасюлевича, 1906. 333 с.
8. Кареев Н. И. Общий курс истории XIX века. СПб. : Типография М. М. Стасюлевича, 1910. 415 с.
9. Науменкова Е. О. Российские дореволюционные историки и публицисты о третьей парламентской реформе (1884 г.) в Великобритании // Британия: история, культура, образование. Тезисы докладов международной научной конференции 28–29 мая 2008 г. / сост. и отв. ред. А. Б. Соколов. Ярославль : ЯГПУ, 2008. С. 331–333.
10. Острогорский М. Я. Демократия и политические партии. М. : РОССПЭН, 2010. 757 с.
11. Кареев Н. И. История Западной Европы в новое время : в 7 т. СПб. : Типография М. М. Стасюлевича, 1898. Т. 6. 630 с.

Поступила в редакцию 19.09.2025; одобрена после рецензирования 28.10.2025; принята к публикации 10.01.2026; опубликована 30.06.2026

The article was submitted 19.09.2025; approved after reviewing 28.10.2025; accepted for publication 10.01.2026; published 30.06.2026